

Елизавета Дворецкая

Красавица Велемила, младшая дочь ладожского воеводы, обещана в жены молодому удальцу Вольге. Но Вольга не в силах забыть свою первую и единственную любовь, Дивлян-Огнедеву, увезенную в далекие края, в жены князю Аскольду. Жених одной сестры, он готов даже отправиться в военный поход, лишь бы вновь обрести другую. Да и Велемила не рада, что ей достался бывший жених Дивляны: для нее нет никого милее молодого варяга Стена. Кому из них судьба позволит сберечь любовь?

ОГНЕДЕВА
ПЕРСТ СУДЬБЫ

Елизавета Дворецкая

ОГНЕДЕВА ПЕРСТ СУДЬБЫ

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

ISBN серии

ISBN 978-617-12-5600-2

9 786171 256002

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5407-7

9 786171 254077

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

Елизавета Дворецкая

ОГНЕДЕВА ПЕРСТ СУДЬБЫ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Д24

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Дизайн обложки агентства «ТИМ+»

ISBN 978-617-12-5600-2 (серия)
ISBN 978-617-12-5407-7

© Дворецкая Е., 2018
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Глава 1

893 год, поздняя осень, Ладога

Стейн сын Бергфинна приехал в Альдейгью в самом начале зимы. И сразу получил весьма неожиданное предложение.

— Пойдешь с нами кур воровать?

— Воровать кур? — Стейн уже довольно хорошо знал словенский язык и все же подумал, что не расслышал или чего-то не понял.

К тому же он никак не ожидал, что воровать домашнюю птицу его позовет дочь местного хёвдинга. Уж ей-то зачем — своих кур полно. Вон они, под всеми лавками сидят, высунув головки. Домагость Витонежич, ладожский воевода, всегда был не беден, а в последние несколько лет, судя по обстановке дома, и вовсе разжился — появились у него и тканые ковры на бревчатых стенах, где раньше висели только мохнатые медвежины, и кубки из белесого и зеленоватого мутного стекла на столе. Прежние глиняные сосуды, вылепленные женщинами хозяйской семьи, сменились бронзовыми кувшинами, а в кувшинах заплескался не мед и не пиво, а настоящее греческое вино! Меха здесь никогда редкостью не были, но отделка узорного шелка и серебряные пуговицы на рубахе воеводы, пестрые стеклянные бусы на шее у дочери и жены говорили о том, что хозяин имеет выход к богатым торгам востока и юга. Еще полтора года назад, когда Стейн со своим дядей по матери, Вестмаром Лисом, приезжал сюда в последний раз, ничего этого не было.

— Ну да. Кур. Можно и петухов, но только где он не один. Я знаю, где можно брать, не промахнемся, — смеясь, заверила Велемила и потом наконец пояснила: — Это у нас обычай такой. Сварожий день сегодня¹, вечером пировать будем, а для пира полагается кур не покупать и не приносить, а красть! Понял теперь?

— Теперь понял! — Стейн усмехнулся, подумав, что и сейчас его ухитряются сделать таким же дураком с дальнего хутора, каким он был, когда три с половиной года назад впервые в жизни явился в Альдейгью. — Знамое дело, пойду! Это подвиг для истинного викинга!

— Как она выросла, твоя младшая дочь! — одобрительно заметил Вестмар хозяину. — Совсем невеста. У нее, наверное, есть жених?

— Вроде как есть... — ответил Домагость, но отвел глаза, и Вестмар догадался, что воевода не очень хочет об этом говорить.

Появилась Яромила, поставила на стол деревянное блюдо с теплыми пирогами, покрытыми вышитым рушником, приветливо улыбнулась гостю, сказала что-то — он не слышал, любуясь ее точеным лицом. Все-таки старшая дочь у хозяина редкая красавица — смотришь, и кажется, что в полутьме от нее исходит сияние. У Яромилы уже был ребенок, но она по-прежнему жила дома, только волосы теперь заплетала в две косы и укладывала вокруг головы. На ее сына, белоголового мальчика двух с чем-то лет, Вестмар бросил пару любопытных взглядов, пока мать не унесла его, но спрашивать ни о чем не стал, боясь обидеть воеводу.

— Я вижу, Домагость, в последнее время боги более чем благосклонны к тебе! — Вестмар невольно проводил Яромилу глазами. — В твоём доме прибавилось много доро-

¹ Сварожий день — праздник в честь Сварога, 1 ноября.

гой утвари, и людей стало больше. Видимо, быть родичем конунга Кенугарда — Киу...ява... Куая...вия... тролль, не помню, как его называют эти серкландцы! Киаба?

— Кияв! — смеясь, поправил Домагость. — Или Киев. Да, с той свадьбы дела у нас в гору пошли. Уже три года меха, меда, воск по Днепру вниз отправляем в Киев, а там на разные товары меняем: платье цветное, серебро, посуду, всякое узорочье. Вино вот! — Домагость качнул бокалом из светло-зеленого стекла. Напиток был, на вкус воеводы, гораздо кислее и вообще хуже привычной медовухи, зато, если пить умеренно, наутро не так болит голова. — А в этот раз Велем, сын мой, сам поехал с товарами аж до Корсуня.

— Это где? — Вестмар с любопытством прищурился.

— Это по Днепру вниз, до Греческого моря, и по морю еще идти... не помню сколько, сам-то не бывал. Но тот Корсунь — город уже греческий. Думаем, там за наши меха еще больше всякого добра выручить можно. По весне сынок уехал. Хотел назад в одно лето обернуться, но сказал: особо не ждите, если до Сварожьей седмицы не буду — стало быть, теперь до весны...

Пока старшие были заняты деловым разговором, Велемила взяла с лавки кожух и поманила Стейна за собой. С самого утра предвкушение вечернего веселья наполняло ее воодушевлением, поэтому она особенно обрадовалась появлению новых лиц — такому неожиданному в эту пору года. Стейн в разговоре старших участия почти не принимал, только улыбался, слегка прищуривая глаза, но если его спрашивали, отвечал толково. По всему было видно, что это человек неглупый, добродушный и не заносится из-за того, что в такие молодые годы — лет в восемнадцать-девятнадцать — успел не раз пройти по Волжскому пути до самой Булгарии. Велемила смутно помнила его по

прежним годам — он уже не раз появлялся в Ладогe, сопровождая дядю, но сама она была раньше слишком мала, и едва ли они тогда сказали друг другу хоть слово. Иное дело сейчас! Во внешности Стейна ничего особенного не было: среднего роста, крепкий по виду, а лицом обычный свей — короткий прямой нос, высокий и широкий прямоугольный лоб, высокие скулы, из-за которых глубоко посаженные серые глаза кажутся узкими, светлые волосы с легким отливом в рыжину и такая же золотистая щетинка на твердом угловатом подбородке. И шапочка, вязанная костяной иглой из толстой шерстяной пряжи, очень ему шла — такие шапочки носят многие свейские мореходы.

Бегло оглянувшись на дядю и убедившись, что тому не до него, Стейн пошел за девушкой. Снаружи начало темнеть. С неба сыпались мелкие твердые снежинки — по-словенски это называется «пороша», кстати вспомнил Стейн. Или позимка... поземка? Он хотел спросить об этом у Велемилы, но не решился — опять смеяться начнет. В присутствии такой красивой девушки любой постарался бы не выглядеть простофилей. Стейн уже видел ее раньше, но сегодня не сразу узнал. В прежние годы третья воеводская дочь была совсем девчонка, и мало кто ее замечал — все смотрели на старших сестер, Яромилу и Дивомилу, похожих друг на друга стройных красавиц с нежными лицами и пышными волосами цвета чистейшего золотистого меда. Дивомила с тех пор вышла замуж, да не за кого-нибудь, а за конунга Кенугарда — Аскольда, и уехала далеко, чуть ли не к Греческому морю. Зато Велемила за эти годы вытянулась и стала готовой невестой. Для своих пятнадцати лет это была рослая сильная девушка. В целом она удалась в брата Велема: не только ростом и крепким сложением, но и лицом была похожа на него, как ни одна из сестер. Такие же крупные чер-

ты, только смягченные по-женски, серые глаза, а волосы темно-русые с рыжеватым отливом, густые и гладкие — толстая коса свешивалась чуть ли не до колен. Красотой Велемила уступала двум старшим сестрам, но вид имела смысленный, оживленный и веселый, к тому же держалась так бойко и уверенно, что сравнивать их никому в голову не приходило.

— Ты меня совсем не помнишь? — спросил Стейн, когда они вышли.

— Отчего же, помню! — Велемила снова засмеялась. — Я помню, как вы приехали перед тем, как Игволод Кабан Вал-город разорил. Вас с Вестмаром было двое — ты и еще другой парень. Один, я помню, был в валяной шапке, другой в вязаной. — Она бросила лукавый взгляд на вязаную шапочку на голове у Стейна. — Кажется, теперь я знаю, который из них был ты!

— А вот и нет! — со смесью грусти и лукавства опроверг ее догадки он. — Это шапка моего брата Свейна. Он погиб в той битве, когда Иггвальд пришел с дружиной сюда из Валаборга. И я взял ее себе на память. С тех пор и ношу.

Велемила вздохнула:

— Да примет его с честью Перун! У меня тоже тогда брат погиб, Братоня, и из сродья еще три человека. А у тебя больше нет братьев?

— Есть еще один, он остался дома с родителями. Он, Сигурд, из нас троих самый старший. Мы выросли вместе и все время устраивали какие-нибудь безобразия. Вестмар может подтвердить. Ты понимаешь северный язык?

— Сва эр вист!¹ — Велемила лукаво сверкнула глазами, дескать, а как же! — Здорово, Пестравка! — тут же по-

¹ Конечно.

словенски окликнула она девушку, попавшуюся им на встречу. — Что нового?

— Здравствуй, баяльница! — Девушка поклонилась. — К Смолянам иду.

— Я только к Братомеричам заскочу. Не опаздывайте там, а то я Смолянку знаю — век будет косу плести да оборы перевязывать.

Они пошли дальше, и Стейн продолжал, перейдя на родной язык:

— Я помню, однажды дядя Вестмар приехал к нам в гости, мне тогда было лет восемь, Свейну, стало быть, девять, а Сигге одиннадцать. Мать ему жаловалась, что не может с нами справиться и что мы загоним ее в могилу раньше времени. Вестмар начал спрашивать: «Сигурд, что ты сделал такого, из-за чего твоя мать огорчена?» Тот отвечает: «Я ничего не сделал, только бросил в воду камень». Вестмар говорит, что это, мол, беда небольшая, и спрашивает у Свейна: «А ты что сделал?» Свейн отвечает: «Я только бросил в воду камень». Вестмар спрашивает у меня: «А ты что сделал — тоже всего лишь бросил в воду камень?» А я отвечаю: «Да нет, это я и есть Камень!»¹

Велемила расхохоталась, да так заразительно, что Стейн невольно засмеялся вместе с ней, хотя рассказывал эту маленькую сагу уже десятки раз. Потом добавил:

— А теперь у Свейна есть свой камень. Родители заказали резчику поминальный камень, чтобы поставить у себя в усадьбе. Там будет написано: «Бергфинн, Асхильд и Сигурд, их сын, поставили этот камень по Свейну, другому их сыну. Он погиб в Альдейгье на Восточном Пути». Они хотят, чтобы он стоял возле Трюггвардова

¹ Старинный шведский анекдот. Имя Стейн означает «камень».

кургана. Трюггвард — это знатный хёвдинг, предок нашей матери. Он заправлял всей округой, а когда умер, то стал иногда выходить из могилы и разделяться с теми, кто ему чем-то не угодил. Но это даже хорошо, потому что своих родичей он никогда не трогал и много хороших пастбищ освободилось. Наша мать каждый Торов день¹ обязательно носит ему еду и кладет в особое отверстие в склоне кургана. Никогда ведь не знаешь, что способен выкинуть мертвец, и лучше его не злить, правда?

— Правда, — согласилась Велемила, но тут им попалась еще одна девушка: она стояла у дороги, будто пропуская их. — Здравствуй, Вересеня, что слышно нового?

— Здравствуй, баяльница. Да у нас говорят, что к вам варяги приехали сверху. — Девушка взглянула на Стейна.

— Да, Вестмар Лис с дружиной. Приходите завтра, про дальние страны расскажут.

— Да уж мы придем! — Девушка бросила на Стейна настолько завлекательный взгляд, что он даже смутился, и пошла своей дорогой.

— Ты потом нашим про это Расскажи, про вашего приткого покойника, — попросила Велемила.

— Хорошо! — Стейн засмеялся, вообразив, как вытянулось бы грозное лицо Трюггварда хёвдинга, узнай он, что какая-то девчонка в Гардах назовет его притким покойником!

— Сейчас самое время рассказывать про мертвецов. Нынешней ночью Дажьбог власть Марене передает. Она выходит в Явь, и до самого рассвета ворота из Закрадного мира будут раскрыты. Это очень страшно и очень весело. Сам увидишь.

¹ День Тора — четверг, название сохраняется и в современных скандинавских языках.

— А ты любопытная — всех о новостях спрашиваешь. —
Стейн улыбнулся.

— Да нет же! — Велемила опять расхохоталась, даже
остановилась и наклонилась вперед, так что ее коса кос-
нулась земли, припорошенной снежной крупой. — Это не
я любопытная. А просто они не могут первыми со мной за-
говорить, вот я и спрашиваю, нет ли чего нового, чтобы
они могли сказать или спросить, если им нужно.

— Они не имеют права заговаривать с тобой? —
Стейн тоже остановился и в изумлении поднял брови. —
Почему?

— Потому что я — Дева Альдога. Это... как тебе объ-
яснить... Я все равно что богиня Леля на земле. И еще
я баяльница, то есть старшая над всеми остальными де-
вушками, они меня слушаются, что я скажу, то и делают.
Я хёвдинг среди девушек, понимаешь?

— Примерно понимаю. Это потому что ты такого знат-
ного рода?

— Потому что я из старшего рода, из Любошичей. Мои
предки здесь уже очень давно живут, дольше всех. Там. —
Велемила показала за Волхов, где на другом берегу, не-
различимый отсюда, вдавался в воду высокий, заросший
кустами мыс. — Там наш город стоял. Я тебе потом рас-
скажу про них.

— Это, надо думать, большая честь.

— Еще какая. Но если беда нагрянет... если Волхов пой-
дет назад, меня в жертву принесут.

— О! — Стейн переменился в лице. — У вас так дела-
ют? У вас приносят в жертву людей?

— А у вас, можно подумать, нет.

— Я о таком никогда не слышал. Ну, может быть, очень
давно...

— И у нас давно не было.

— Постой, а я тоже не имею права заговаривать с тобой первым? — Стейн нахмурился, опасаясь, что по неведению совершил промах, способный оскорбить местных жителей.

— Тебе можно, ты ведь не девушка! — Велемила улыбнулась и даже прикоснулась к его руке. — У наших парней тоже есть старший — баяльник, это Селяня, Селинег Хотонегов сын, мой двоюродный брат. После Марениного дня парни в лес на зимнюю охоту уйдут — вот там его власть начнется. Там никто слова против него сказать не смеет, а не то выгонит прямо на мороз. Иначе нельзя — до весны ведь парням в избе сидеть, по вечерам только и занятия, что выюгу слушать. Без крепкой руки такое начнется... А мое дело девичье — только круги первой завожу. А еще я замуж долго не выйду, — немного помолчав, с грустью добавила она. — Потому что вместо меня больше Девой Альдогой быть некому. Моя сестра Яромила раньше была, ее сменила я. А моложе меня сестер Любошинского рода нет. Льдиса и Олова этой зимой замуж пойдут, уж сговорены, а Синельке всего девять лет. И вот пока она не повзрослеет, я еще три года ее дожидаться буду.

— Не повезло тебе. — Стейн участливо кивнул, втайне почему-то радуясь, что скорое замужество ее не ожидает.

Хотя ему-то что? Он-то на что может здесь рассчитывать? Стейн сам удивился своим мыслям — ему и в голову бы не пришло свататься к дочери хёвдинга Домогостя, и только сейчас, когда об этом зашла речь, он осознал, что Велемила ему очень нравится. С ней было легко разговаривать, и даже просто идти рядом по вику Альдейгье, серому и неприятному в сумерках начала зимы, было необычайно приятно — будто он не кур идет воровать, а получать большую награду на пиру у конунга в его, Стейна, честь!

Куры, летом свободно гулявшие и рывшиеся в пыли у стен и клевавшие червяков в огородах, с наступлением холодов переселились в избы, откуда взять их, из-под бдительного присмотра хозяев, было нелегко. Сначала они зашли в несколько изб Братомеровой связки. Велемила рассказала, что здесь живут их сродники, потомки стрья-деда Братомера, который стрьем приходился Домагостю, а его детям, соответственно, двоюродным дедом. Как заметил Стейн, этот Братомер был весьма плодовит, потому что в пяти или шести земляных избах¹ копошилось на лавках, полатах и даже в просторных сенях человек пятьдесят обоего пола и всякого возраста. Здешним курам со стороны Велемилы ничего не грозило, зато она вышла оттуда в сопровождении шести или семи девушек возрастом лет от двенадцати до семнадцати. За пустырем их ждала еще одна стайка, и «войско» пополнилось пятью юными валькириями. Велемила называла имена, но Стейн сразу же их забывал, да и лиц в густой полутьме не мог толком разглядеть. Он заметил только, что все девушки кланяются дочери Домагостя и отвечают на приветствие только после того, как она первой заговорит с ними, а на ходу держатся позади, как хирдманы за конунгом.

И если девушкам тоже полагается свой конунг, то лучше Велемилы было не найти. Рослая, крепкая, уверенная, она так быстро болтала с окружившими ее подругами, что Стейн половины не понимал. А они, кажется, сговаривались, кто где будет искать добычи. Велемила раздавала указания, и девушки, разбившись по три-четыре, разбегались в разные стороны. Слышался приглушенный смех, оживленная болтовня. Красавицы постарше многозначительно переглядывались, думая о своем; молоденькие, лет

¹ Земляная изба — землянка.

двенадцати-тринадцати, только на днях, в начале идущей Макошиной недели принятые в «стаю» взрослых девушек, чуть ли не прыгали от возбуждения, видя в происходящем новую увлекательную и притом очень важную игру!

— А мы к Творинегу пойдём! — сказала Велемила, когда все разбежались и возле нее остались только три девушки да еще молодой варяжский гость.

До Творинега идти оказалось не близко. Как отметил Стейн, Ладога подросла за последние несколько лет: бревенчатых домов, закопанных в землю на глубину в локоть или два, стало больше, а заросших кустами и осиною пустырей — меньше. Сейчас народ попрятался под крыши, но из всех окошек тянулся серый дым, знаменуя жилое место.

Уже совсем стемнело, и если бы не луна, то идти куда-либо было бы просто невозможно. К счастью, снегопад прекратился, в разрывы облаков выглядывал откормленный растущий месяц, как бычок рогатый, нагулявший бока на пышных облачных пастбищах. Его бело-желтый свет золотил тонкий слой снега, неровно лежащий на земле, и оттого казалось светлее, — по крайней мере, было видно ямы и кочки под ногами. Тропинка петляла между избами, дымы тянулись из щелочек заволок. За стеной голых деревьев на склоне крутого берега дремал могучий Волхов, уже готовый застыть и погрузиться в сон до самой весны. Сейчас передвигаться по нему еще можно, а как ляжет на воду снежная каша, начнет прихватывать — ни на лодье плыть, ни на санях ехать, жди потом, пока лед окрепнет. Самые топкие места между избами были замощены гатями из бревнышек и разного древесного мусора, но и там, где их не было, размешанная осенняя грязь наконец замерзла. Ступать по твердым, как камень, да еще и скользким колдобинам было больно даже в зимних черевьях на толстой кожаной подошве с войлочной подкладкой; девушки

иногда спотыкались, скользили, повизгивали, хватались, чтобы не упасть, друг за друга и за Стейна. А он шел, испытывая все возрастающее блаженство: хотя бы просто побыть в обществе свободных и веселых девушек ему не случалось уже очень давно. Вик Альдейгья был одним из немногих мест в его жизни, где он чувствовал себя если не дома, то и не в дороге и мог наслаждаться покоем и всеми благами мирного существования на одном месте. В течение зимы люди Вестмара по договору считались здесь «своими», пусть за это право и было заплачено серебром.

Творинег, старейшина одного из самых старых и многочисленных ладожских родов, обитал на дальнем краю длинного, растянутого вдоль берега вика, откуда уже был виден Дивинец. Стейн в изумлении застыл — он и забыл, насколько огромен этот курган. В зимних сумерках, слегка припорошенный снегом, он выглядел особенно грозно и впечатляюще, его вершина была видна даже среди выросших вокруг деревьев. Стейн слышал, будто там погребен какой-то из древних северных вождей, обитавший в Ладогe; именно сейчас казалось, что покойный знатный обитатель прислушивается сквозь земляную крышу к шевелению жизни снаружи и подумывает выйти... Да, в начале зимы кажется, что мертвецам неуютно под землей, потому в это время и приносят жертвы покойным, стараются усмирить их и убаюкать до весны.

Он хотел спросить у Велемилы о кургане, но тут из дверей ближайшей земляной избы вместе с клубами сизого дыма выбралась рослая старуха в платке из грубой серой шерсти, поверх повоя завязанном сзади, и девушка заторопилась к ней.

— Здорова будь, бабушка Белогориха! — Велемила бойко поклонилась, махнула концом косы по снегу. — Все ли у вас хорошо, все ли ладно?

— И ты будь здорова, Домагостевна! — с неудовольствием, неприветливо буркнула старуха, пальцем запихивая седую прядь волос под платок и повой. — Чего бродите тут, как мороки? По домам сидели бы, беспуты!

— Ой, бабушка Белогориха! — Велемила отчаянно всплеснула руками, бесстрашно подалась к неприветливой старухе ближе и оживленно затараторила, округлив глаза словно в изумлении. — Ну как тут будешь дома сидеть, когда такое творится? Сижу я, смотрю, брат мой, дурак, затеял в решете пиво варить! Я ему говорю: возьми, дурень, котел, больше пива наваришь! А другой брат, дурак, в исподку пиво сливает! Я ему говорю: возьми, дурень, бочку, больше пива наливаешь! Бегу к вуйке Велераде на тех двух дураков пожаловаться, смотрю, а муж ее Вологор толкачом сено косит! Я ему говорю: возьми, дурень, косу, больше сена накопишь! Гляжу, сын его, дурак, на свинье то сено возит! Я ему говорю: впряги, дурень, лошадь — больше сена навозишь!

— Вот пришла стрекотать! — Бабка стала от нее отмахиваться, как от большущего надоедливого слепня. — Чего тебе тут! Поди, поди!

Но Велемила, будто не слыша, продолжала наступать, прямо в лицо ей вываливая «новости»:

— А другой сын его, дурень, шилом вздумал сено подавать! Я ему говорю: возьми, дурень, вилы, больше сена подашь! Гляжу, стрый мой, дурень, вздумал «кобылкой»¹ пашню пахать! Я ему говорю: возьми, дурень, соху, больше пашни напашешь!

— Поди прочь! Поди! Ух, уморила, умаяла! Не девка, а Встрешник!

Отмахиваясь, бабка пятилась от наступающей Велемилы, пока не уперлась задом в дверь клетки и почти провалилась

¹ «Кобылка» — куриная грудная кость.

туда, ища спасения от неумолкающей гостью. Едва она исчезла, Велемила метнулась назад, кивнула спутницам, схватила Стейна за руку и потянула к двери избы.

— Да будет благо тому, кто в доме сем! — провозгласила она, заходя.

Стейн, озабоченный тем, чтобы не споткнуться на ступеньках, не сразу разглядел в темноте, где кто и вообще сколько тут народу. А народу хватало: плотный лысый старик, большеголовый, бородатый, сидел у стола, вокруг на лавках размещались еще человек семь — молодые мужчины, отроки, мальчишки, две маленькие девочки. Хозяйка, помоложе той старухи, возилась у печи.

— Здравствуй, Домагостевна! — Старик кивнул. — С чем пожаловала? Кого привела? Вроде не знаем мы такого!

— Добра молодца я к вам привела, из стран чужедальных, из-за широких полей, дремучих лесов! Как на сию пору на времечко не буйны ветры завяляли — знатны гости понаехали! Уж мы-то вежливы были — встречали гостей дорогих посреди двора широкого, за белы руки брали, за перстни золотые, вели в нову палату, сажали за столы дубовые, за скатерти шиты-браные! Угостивши, стали расспрашивать: ой вы гости наши богатые, где бывали, что видали, как у вас за морем житье-бытье? Вы скажите нам всю правду-истину, скажите нам все вести заморские: кто у вас за морем больший? Кто у вас за морем меньший? Отвечают нам гости заморские: да у нас за морем все птицы большие, да у нас за морем все птицы меньшие! Орел на море — князь, перепел на море — воевода, петух на море — старейшина. Сова на море — ворожея, ворон на море — кощунник, лебедушка на море — княгиня, с ножки на ножку ступает, высоки брови поднимает!

Велемила говорила без остановки, не отпуская внимания слушателей: дети свесили головки с полатей, мужчины усмехались, даже баба у печи заслушалась, держа ложку, с которой капало на земляной пол. Стейн не понимал половины из ее скороговорки, но видел, что и прочие, не очень-то улавливая смысл, внимают плавному и быстрому, как река, течению рассказа. Девушка искусно играла голосом, поводила руками, изображала всем телом то ворону, то лебедушку, то орла-князя; руки, плечи, голова, даже коса помогали ей, становясь то крыльями, то воеводским мечом. Действо, которое Велемила одна разыгрывала, совершенно заорожило десяток слушателей, не исключая и Стейна.

— Сокол у нас за морем боец удалой, на всякую птицу налетает, грудью ее побивает; сорока у нас за морем — щеголиха, без пряника не садится, без милого не ложится. Одна малая птичка-синичка, — плечи Велемилы поникли, руки опустились, как мокрые крылья, лицо стало грустным, черные широкие брови сложились домиком, она даже стала как будто меньше ростом, — сена косить не умеет, стадо ей водить не по силе, нету нигде ей, бедной, места!

Она замолчала, пригорюнившись, так что у слушателей заломило в бровях — хоть плачь от жалости к бедной синичке! Но потом, опомнившись, все закричали, завопили, дети запрыгали на месте, а один даже на лавке, мужики засмеялись, женщины всплеснули руками от удовольствия.

— Вот, любошинское семя, Радогневино племя! — Лысый старик хлопнул себя по коленям. — Все в роду обоьяльники, не хочешь, а заслушаешься!

— Не лежать черну бобру у крутых берегов, черной ку не — у быстрой реки, не сидеть мне, девице, на чужом пире — на свой собираться пора! — Велемила поклонилась. — Уж у меня, у девушки, все приготовлено: девять

печей хлеба испечено, десятая печь — румяных пирожков, девять бочек пива наварено, десятая — меда сладкого.

И только оказавшись снаружи, на свежем воздухе, Стейн заметил, что две сопровождавшие их девушки уже стоят за углом, давясь от смеха, и обе сжимают под мышками по курице. Выгнали в сени и прихватили, пока обитатели избы любовались Велемилой — никто и не заметил. И даже если хозяева помнили, какой сегодня день, и знали, зачем к ним пришли три девушки, те честно выкупили свое право унести две курицы в жертву Сварогу, кузнецу семейного счастья.

— Ты — колдунья, да? — Стейн тряс головой, пытаясь прийти в себя. — Ты всех заворожила? Это было заклинание?

— А как же? — Велемила хохотала над его растерянностью, очень довольная плодами своих трудов. — Другие девки в избах по песне споют, курицу заберут, а хозяева будто и не видят! К Творинегу не любят ходить, он и сам строгий, и старуха у него больно вредная. Да против меня и ей не устоять, у меня в роду все баяльники, кощунники, обавники, краснобайники да вещуны! А Творинег хоть и понимает, а молчит! Что он против меня сделает? У самого две дочери еще недоросточки, надо будет их замуж выдавать, а куда тут без меня?

— Почему без тебя нельзя замуж?

— Потому что которая девка в «стаю» не принята, та не невеста, ее и сватать не станут! А в «стаю»-то кто принимает?

Она наклонила голову, многозначительно и с озорством глядя на Стейна, — ответ уже был ему ясен. Во всем ее облике было столько лукавства и притом самоуверенной гордости, что он не мог не засмеяться. От воздуха, движения, воодушевления ее глаза блестели, на щеках выступил ру-

мянец, губы улыбались, и Стейн поймал себя на желании немедленно ее поцеловать, не думая даже, можно это сделать или нельзя. У них тут все так сложно...

— Каша! — вдруг сказал он, чтобы что-нибудь сказать, и окинул взглядом засыпанную первым снегом землю. — Это так называется?

— Где — каша? — удивилась Велемила. — Ты что, голодный?

— Ну, вот этот снег, маленький и твердый. — Стейн снял рукавицу и поймал на ладонь несколько белых крупинок. — Не то позимка, не то... нет, не каша, но что-то похожее.

— Не позимка, а поземка! — разъяснила Велемила, привыкшая к тому, что словенская речь варягов бывает неправильной. — И не каша, а крупа!

— Точно! — Стейн стукнул себя по лбу. — А я все стараюсь вспомнить...

Велемила расхохоталась: несмотря на этот небольшой промах, Стейн оправдал все ее надежды, и она была рада, что позвала его с собой. Ей было хорошо рядом с ним, и даже предстоящие игрища радовали вдвое сильнее. Он был не слишком разговорчив, но взгляд чуть прищуренных, будто от улыбки, умных и внимательных глаз был так выразителен и даже красноречив, что слова казались лишними. Главное, что этот взгляд выражал, — удовольствие смотреть на нее, Велемилу, и почему-то сейчас это было ей особенно приятно.

— Да, вот, к слову, о каше! — Велемила остановилась и махнула рукой девушкам, чтобы шли с добычей дальше. — Коли ты мне помог, надо и тебя на пир пригласить.

— Да как я помог? — возразил честный Стейн, хотя против приглашения на пир ничего не имел. — А других наших фелагов нельзя? — Он вспомнил о своих молодых товарищах, которым в этот веселый вечер предстоит сидеть

в холодном, еще не протопленном гостевом доме и пялиться друг на друга, будто за два года похода не нагляделись. Теперь, когда они наконец попали в вик, где много красивых девушек, его возненавидят, если он пойдет веселиться один!

— Сколько у вас парней?

— Пойдут... ну, десятка полтора бы захотели, — осторожно ответил Стейн.

— Шеляг за всех — осилите?

— А чего же нет! Мы же с Олкоги! У нас этого серебра...

— Хоть с кашей ешь, да как бы не подавиться! — засмеялась Велемила над его хвастовством. — Тогда веди своих. Дорогу запомнил?

Помахав рукой, Велемила убежала в избу, где ее уже ждали девушки со своей добычей, а Стейн пошел в гостевой дом за парнями. По пути он крутил головой и смеялся — кто бы мог подумать, что их первый вечер в Альдейгье выдастся таким бурным!

Старшие ушли посидеть к свояку Святобору, челядь устроила себе пированье в хозяйской бане, выставив чарку на полок баннику, чтобы не сердился, а воеводская изба этим вечером безраздельно принадлежала молодежи. Стол был завален угощениями: жареных кур уложили в два корыта, расставленные на длинном столе, в широких мисках ждала квашеная капуста с конопляным маслом и луком, сняли рушники с остывающих пирогов, в больших горшках дожидалась каша с золотистой лужицей коровьего масла поверху. Припасы для пиршества девушки собирали все вместе, как и для пива, налитого в бочку.

Осталось дожждаться парней, и вот те явились во главе со своим вожакон-баяльником, восемнадцатилетним Селяней, двоюродным братом Велемилы. Это был невысо-

кий круглолицый крепкий парень с почти белыми волосами и очень светлыми, прозрачными глазами — сказалась чудинская кровь материнской родни. Курносый, некрасивый, он, однако, отличался бойкостью и сметливостью, а способностью говорить без умолку не уступал сестре и девушкам нравился, так что сожалеть о недостатке красоты причин не имел.

И пошло веселье. Прежде чем сесть, Селяня должен был для каждого из своих побрательничков выкупить место рядом с одной из девушек по его выбору; при этом он всячески расхваливал парня, а Велемила, наоборот, старалась его охаять или смутить.

— Кто охоч гулять, тот передайся к нам! — орал Селяня, войдя в избу, а парни толпились у него за спиной в просторных сенях, тянули шеи, пытаясь разглядеть угощения и высмотреть среди девушек за столом ту, которая больше нравится. — У нас молодцы есть хорошие! Первый молодец Синеберн сын Рановидов! — начал он со старших парней из наследников Любошичей, старшего рода ладожской волости. Имена эти Стейну показались странными, и он уже не смог угадать в них старые северные имена Снэбьёрн и Арнвид, настолько те изменились за несколько поколений бытования среди словен. — Синеберн Рановидович во всем горазд: ему быть не в меньших, носить шапку аксамитову, шубу бобровую, на шубе вотолу шелковую, а на шелку все звери лютые рысучие, птицы певучие, травы растучие, цветы ползучие, лягухи прыгучие!

Девушки покатались со смеху, но Велемила, стоявшая оперев руки в бока, преграждая путь к столу, только тряхнула головой. К началу пира она принарядилась: теперь на ней была богато вышитая исподка, белая шерстяная верхница с короткими рукавами, отделанная полосами красного, с золотым шитьем шелка, на голове алая тканка, расшитая

мелким жемчугом, восемь серебряных колец-заушниц, вплетенных в волосы у висков, а на груди блестили бусы в три ряда — из разноцветного стекла, хрустальные и сердоликовые. При свете многочисленных лучин все это сверкало, так что девушка казалась не то богиней из сказаний, не то драгоценным изделием.

— Что сказать про молодца? — Прищурившись, она окинула взглядом своего двоюродного брата по матери. — На морозе-то красён, а как в избу зайдет, то раскис, как рассол! Его шапка не добра — как воронье гнездо, да и то не свое — в людях выпрошено, в ногах выкланено, еще хожено, еще прошено, по всей волости, до самого Ильмерь-озера!

— Да он не с пустыми руками пришел, а с подарочком! — пояснил Селяня, и Синята с поклоном передал Велемиле гребешок резной кости.

— Ну, тогда другое дело! — Она сразу подобрела. — Теперь вижу, каков собой добрый молодец. Чем нам его подарить? — Она обернулась к смеющимся девушкам.

— Чаркой золотой! — выкрикнула одна.

— У него есть! — Селяня махнул рукой.

— Шапкой куньей!

— У него тоже есть! — Селяня даже скривился. — А вы подарите его красной девицей — круглолицею, белолицею, говорливою, не спесивою!

— У нас девушки есть хорошие, они шерстью шьют, точно золотом. Какую выбираете?

— Держану-свет Доброгостеву дочь! — ответил Селяня, вняв знакам, которые ему делал Синята.

Велемила посторонилась, и довольный парень занял место рядом с Держаной. Поскольку его род обитал в Ладоге дольше всех остальных, почти со всеми невестами он состоял в той или иной степени родства, и было сложно

выбрать девушку, которая бы нравилась и при этом не была сестрой во втором или третьем колене.

Так и пошло дальше: Селяня по порядку старшинства рода и возраста выкупал места для всех парней, нахваливал их на все лады, а Велемила оспаривала достоинства женихов. Истошив запас похвал, Селяня вскоре начал нести несусветную чушь, но всем от этого было только веселее, и охотнее, разумеется, хохотали те, кто уже сидел за столом. На выкуп места парни давали гребешки, или резные ложки, или пуговицы, или подвесочки, обереги, сделанные из клыков собственноручно добытого зверя, или шкурки. Дороже всех Селяня заплатил за место для самого себя: пришлось поднести новый кованый светец собственной работы, чтобы девушкам на павечерницах было светлее пряхть. Но Селяня, хоть и получил в итоге самое почетное место рядом с Велемилой, едва ли поистине ликовал по этому поводу, ибо она была ему сестрой.

Варяги проходили последними, и им остались не самые красивые девушки, да и то всего пятерым — остальных пропустили скопом. Стейн сел рядом с одной, видимо чудинкой, — совсем маленького роста, с курносеньким лицом, некрасивая, она зато очень приветливо улыбалась ему. Ее имя, названное Селяней, Стейн мгновенно забыл.

Когда все расселись, шума не стало меньше. Велемила сама, по праву хозяйки, ломала на куски тушки жареных кур и раздавала каждой паре ее долю, причем тоже не задаром, а за песню, загадку или прибаутку. Цену называли они вдвоем с Селяней, жарко споря при этом, чем еще лучше веселили собравшихся; но особенно оба баяльника любили заставить пару петь хором. Двое, давясь от смеха, тянули не в лад и перевирали слова, а парни подсказывали всякую ерунду, еще больше сбивая с толка, так что впору было падать под стол от хохота. Те, кому доставалась грудка,

съевши ее на двоих, должны были разломить «кобылку» — у кого останется бóльшая часть, тот и старший в будущей семье! Потом затеяли играть «в печку». Сначала Селяня с многозначительным видом ходил вокруг печи, стоявшей посреди избы, потом наклонился к ней.

— Что слышно? — спросила Велемила, высоко подняв брови.

— Печка трещит, чур шуршит!

— Что вещит?

— Девку!

— Какую?

— Доброгляду!

Одна из девиц подошла к нему и поцеловала; Селяня отошел, теперь уже девушка стала слушать печку. Так все по очереди выходили к печке и слушали, кого им предвещает «чур». Дошло дело и до Стейна.

— Стеня! — выкрикнула та девушка, что повстречалась им возле двора еще в самом начале этого вечера.

Он даже сразу не понял, что зовут его, но девушка показала, и соседи его вытолкали. Что нужно сказать, он за десять повторений хорошо запомнил, вот только выговорить такие слова, как «трещит» и «вещит», у него получалось не очень хорошо, и это заново всех рассмешило.

— Какую? — хором спрашивали у него.

— Велемила! — сказал он.

Он вовсе не собирался дерзить, вызывая самую баяльницу. Просто Велемила была единственной здесь девушкой, чье имя он знал!

Впрочем, она не разгневалась, а остальные лишь весело загудели: дескать, парень не промах, знает, что выбрать! Пробравшись сквозь толпу, Велемила закинула руки ему на шею — подойдя вплотную, она оказалась лишь чуть ниже его ростом — и горячо поцеловала в губы, потом от-

толкнула: дескать, иди, не мешай! — и сама склонилась, прислушиваясь к вещающему голосу в печке. Стейн отошел, она вызвала кого-то, игра потекла дальше, а он стоял в углу, надеясь, что в темноте играющие, увлеченные действием, не заметят его волнения. Ему было жарко, голова кружилась, кровь кипела, на губах еще горел ее щедрый поцелуй, оставивший запах меда. Никого другого он больше не видел, зато от Велемилы не мог отвести глаз. Каждая черта ее лица и всего облика будто впечаталась ему в душу. Просто стоять в самом темном углу и видеть ее было счастьем. Его не особо огорчило даже то, что за весь остаток вечера Велемила ни разу на него не посмотрела.

Глава 2

Вестмар Лис, не отстав от племянника, тоже отлично провел время на пиру в доме у Домагостева свояка Святобора. Вернулся он даже позже Стейна и сразу лег спать. А утром, когда оба вяло ковыряли ложками кашу, поданную Домагостевыми челядинками, Вестмар огоршил Стейна потрясающим известием.

— У меня для тебя отличная новость! — начал он, слегка морщась от головной боли, но стараясь не обращать на нее внимания. — Просто отличная. Я нашел тебе невесту и уже почти обо всем договорился.

Стейн чуть не подавился кашей и на всякий случай опустил ложку, которую было тянул ко рту, обратно в широкую миску. Невесту! Ему сразу пришла на ум Велемила — правда, она со вчерашнего дня оттуда и не уходила. Всю ночь ему снилось что-то радостное и яркое — он ничего не помнил, но проснулся с ощущением блаженства. Неужели... Не может быть...

— Э-это кто? — еле выговорил он, во все глаза глядя на дядю.

— Я вчера много разговаривал с самим Сватибьёрном. — Так swei называли старейшину Святобора. — У него есть дочь, она уже вдова, но по матери очень знатного рода: ее мать была младшей сестрой жены Домагеста. Но ты не пугайся: это совсем молодая женщина, не старше тебя. Ну, или совсем ненамного. Она несколько лет назад вышла замуж за знатного харсира, который жил и пра-

вил Валаборгом и погиб в сражении с Иггвальдом Кабаном. У нее остался маленький сын. От имущества ее мужа ничего не уцелело, но Сватибьёрн дает за ней приданое как за девушкой. Очень хорошее приданое: скот, утварь, челядь! Мы сможем сразу завести хозяйство, и наш дом будет полон всего, что только нужно.

— К-какой дом? — выговорил обалдевший от таких новостей парень.

— Я вчера не просто так купил бычка и угощал всех старейшин — они дали мне разрешение строить дом для себя и дружины. Ты помнишь, я давно об этом подумывал. В Альдейгье в последнее время стало можно делать хорошие дела, и чем вечно платить за постой и волноваться, хватит ли нам места, лучше обзавестись собственным домом, как у деда Хринга был в Хейдабьюре. И будет просто замечательно породниться с самым знатным из здешних хёвдингов — даже с двумя, потому что и Домагесту твоя невеста приходится племянницей, — и сразу получить все нужное для хозяйства, не тратя денег. Говорят, это очень красивая женщина. Ты, по-моему, вчера должен был ее увидеть?

Стейн кивнул. Он действительно сразу понял, о ком идет речь: на вчерашнем гулянье среди девушек затесалась только одна молодая женщина во вдовьем платке. Правда, вдова была весьма миловидна и юна годами, но все же Стейну никогда не пришло бы в голову жениться на ней или еще на ком-то здесь — пока не минут те три года, которые Велемиле предстоит проходить в девушках.

— Условия очень хорошие, — продолжал Вестмар. — Ребенок у нее совсем еще маленький и не помнит родного отца. Если ты не захочешь его усыновить, Сватибьёрн готов взять его содержание на себя. Но я бы советовал тебе его усыновить: так мы будем иметь в семье внука Сватибьёрна,

не дожидаясь, пока у вас родятся свои дети. Домагест мне сказал, что эту свою дочь Сватибьёрн очень любит и к внуку привязан. Ее мать, рассказывают, была очень красивой женщиной и знаменитой целительницей. И Домагест меня заверил, что о ней не ходит никаких таких слухов... ну, ты понимаешь... как обычно говорят о молодых вдовах. К тому же этот мальчик происходит из самого древнего и знатного северного рода этих мест. Его отец правил в Валаборге, но был убит тогда же, помнишь, три года назад. Этот род обладает наследственными правами на Валаборг, а это выгодное место!

— Но Валаборг совершенно разорен.

— Это потому что некому им заняться. Как знать, что может со временем получиться, если найдется деятельный, хороший хозяин, имеющий сильную родню и способный восстановить Валаборг! — Вестмар с шутливым намеком толкнул Стейна в плечо. — Тогда в его руках окажется самый короткий путь из Восточного моря на Олгогу! Ты понимаешь, какие это богатства, какая это власть! Недаром ее первый муж был так славен в этих местах! Правда, у него остался еще один сын, уже совсем взрослый. Он тоже живет где-то здесь...

Стейн опять кивнул: вспомнив молодую вдову, он вспомнил и того, кто на вчерашнем гулянье захотел сидеть с ней рядом. Причем вовсе не потому, что выбора не оставалось. Ее предпочел рослый худошавый парень по имени Деленя, который годами был заметно старше остальных и которому Селяня выкупал место вторым после Синеберна, что указывало на знатный род. Стейн еще удивился мысленно: вдова, конечно, ничего собой, но ведь места рядом с двумя десятками молодых длинноносых девушек еще оставались свободными! И ее же Деленя пожелал поцеловать, когда ходил вокруг печки.

— Да, дядя, это очень хорошее предложение и прекрасное родство, — заговорил Стейн, немного придя в себя. — Я и правда видел вчера эту женщину и готов признать, что она молода и хороша собой. Но я не могу согласиться, чтобы такая невеста досталась мне! Я еще не заслужил столь почетного брака, и мне будет стыдно перед людьми — тебе самому гораздо более пристало воспользоваться такой прекрасной возможностью! Ты уважаемый человек, мой старший родич, почти отец — тебе следует самому взять за себя такую знатную невесту. А я еще молод и могу подождать. Если мы завяжем в Альдейгье такие хорошие родственные связи, то через несколько лет и я смогу выбрать достойную невесту, и тогда никто не скажет, что меня отличают не по заслугам.

— Ты так думаешь? — Вестмар с сомнением посмотрел на племянника. — С одной стороны, если невеста уже вдова, то ей больше подойдет зрелый жених. Но я подумал, что тебе будет уместно пустить корни в Альдейгье, пока ты еще молод. Твои дети родятся здесь и будут изначально допущены в круг самых знатных и влиятельных родов. Да и невеста еще почти девушка годами...

— Но и *твои* дети тоже родятся здесь! — настойчиво убеждал Стейн. — Дядя, я бы на твоем месте непременно взял эту невесту себе. У меня будет еще множество случаев найти жену, а ты уже в таких годах, когда пора обзаводиться семьей. Это прекрасный случай для тебя: вдову с охотой отдадут за такого почтенного человека, но сама невеста достаточно молода и хороша собой. А я никак не могу себе позволить такое дело, когда мой ближайший старший родич еще не женат. Мне просто неприлично заводить семью раньше тебя. На это косо посмотрят.

— Я, правда, думал... — Вестмар оглянулся, но все же не решился высказать свои мысли вслух. — Но едва ли

Домагест согласится... Ну, если ты так уверен, что не хочешь брать дочь Сватибьёрна за себя...

— Совершенно точно не хочу! Я буду очень рад твоему счастью, дядя! — со всей искренностью заверил Стейн. — К тому же и мне это поможет.

На том и порешили, к величайшему облегчению Стейна. Он был растроган дядиной заботой и благодарен ему, но женитьба на двоюродной сестре Велемилы была совсем не тем, о чем он мог бы мечтать. А как объяснить людям, почему он отказывается от молодой вдовы? Возможно, дочери самого Домагеста слишком хороши для заезжих варягов — Велемила же вчера объясняла ему, что является кем-то вроде хёвдинга среди девушек, а заодно и земным воплощением богини-девы. Но он не хотел так сразу отказываться от надежды и теперь мечтал лишь о том, чтобы Святобор согласился вместо племянника взять в зятя дядю. Вестмару едва исполнилось сорок, он вовсе не стар для женитьбы, тем более на вдове с ребенком.

Ошарашенный новостями, Стейн пошел во двор — немного проветриться на свежем воздухе и остудить голову. Холодный осенний ветер ударил в лицо, но после духоты дымной избы показался свежим и прямо-таки живительным. Стейн вдохнул, закрыв глаза... а когда открыл их, то сразу увидел, что его тут уже ждут. В нескольких шагах от двери сеней на промерзшей земле нетерпеливо топтался вчерашний парень, приятель молодой вдовы. Стейн мгновенно узнал эту рослую фигуру с длинными руками, продолговатое лицо, настолько худощавое, что кожа туго обтягивала скулы, прямой северный нос, глубоко посаженные серые глаза. Окружали его еще пять-шесть парней — какие-то из этих лиц показались знакомыми по вчерашнему вечеру, каких-то он не помнил; судя по одежде и виду, сыновья самых небогатых семей. После гулянья у всех был осунувшийся и хмурый вид.

Літературно-художнє видання

Серія «Кохання крізь століття»

ДВОРЕЦЬКА Єлизавета

Огнедіва. Перст долі

(російською мовою)

Роман

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. Є. Шишацький*

Підписано до друку 13.02.2019. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturnaya». Ум. друк. арк. 23,52.
Наклад 8000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідощтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Любовь сквозь века»

ДВОРЕЦКАЯ Елизавета

Огнедева. Перст судьбы

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. Е. Шишацкий*

Подписано в печать 13.02.2019. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнітура «Literaturnaya». Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 8000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Красуня Велемила, молодша дочка ладозького воеводи, обіцяна за дружину молодому зухвальцю Вользі. Однак Вольга не може забути свою першу та єдину кохану, Дивлянну-Огнедіву, яку відвезли в далекі краї, за дружину князю Аскольду. Наречений однієї сестри, він готовий навіть вирушити у військовий похід, аби тільки знову здобути другу. Та й Велемила не рада, що їй дістався колишній наречений Дивляни: для неї нема нікого милішого за молодого варяга Стейна. Кому з них доля дозволить зберегти кохання?

Дворецкая Е.

Д24 Огнедева. Перст судьбы : роман / Елизавета Дворецкая. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 448 с. — (Серия «Любовь сквозь века», ISBN 978-617-12-5600-2)

ISBN 978-617-12-5407-7

Красавица Велемила, младшая дочь ладожского воеводы, обещана в жены молодому удалцу Вольге. Но Вольга не в силах забыть свою первую и единственную любовь, Дивлянну-Огнедеву, увезенную в далекие края, в жены князю Аскольду. Жених одной сестры, он готов даже отправиться в военный поход, лишь бы вновь обрести другую. Да и Велемила не рада, что ей достался бывший жених Дивляны: для нее нет никого милее молодого варяга Стена. Кому из них судьба позволит сберечь любовь?

УДК 821.161.1